

Тепляков А.Г.

Последний полет прокурора Баркова

Весенним утром 1938 года прохожие, шедшие мимо здания управления НКВД на Коммунистической, могли заметить короткую возню рядом со страшным домом. Несколько человек в форме с малиновыми петлицами торопливо затаскивали в здание чье-то неподвижное тело. И только застывший в окне четвертого этажа молодой следователь, из рук которого в буквальном смысле слова вырвался важный арестант, знал тогда, что быстро спрятанное тело принадлежало одному из виднейших чиновников Новосибирской области. Так 28 апреля оборвалась жизнь Игнатия Баркова - областного прокурора и орденосца.

Барков — типичная фигура тогдашней правоохранительной системы, решавшей задачи не столько с охраной прав, сколько с искоренением самого понятия «право». Надзор за законностью он понимал своеобразно. Став в августе 37-го членом тройки УНКВД, Барков в 1937 — начале 1938 годов участвовал в осуждении (большей частью к расстрелу) примерно сорока тысяч сибиряков. Конечно, тон в работе тройки задавали начальник управления НКВД и первый секретарь обкома. Но сам факт того, что присутствие прокурора освящает дикую процедуру «суда», когда изо дня в день по справкам следователей три человека заочно приговаривали к смерти сотни людей, был для Баркова вполне обыденным. Если Центральный комитет партии постановил в несколько месяцев расстрелять всех врагов народа, то прокуратура должна помогать, а не путаться у следствия под ногами. И, например, когда из Москвы пришел протест на приговор крайсуда в отношении директора искитимского цементного завода Ершова, то Барков хладнокровно порвал бумажку, предписывавшую отправить дело на доследование, а Ершова «провел» через тройку, которая исправно отмерила тому «вышку» за вредительство...

Рабочая лошадка террора

Барков от рождения был Игнатием, но это имя ему не нравилось, и окружающие называли нашего героя Игорем. Родился он в 1898 году в Самарской губернии, происходил из бедных крестьян, батрачил, в Гражданскую воевал за «красных», получил тяжелую рану в ногу. Демобилизованного командира полка направили в органы юстиции. Он прошел краткосрочные юридические курсы и уже в 28 лет стал руководить Самарским губернским судом. Потом был заместителем прокурора Северо-Кавказского края, а оттуда Баркова перевели в Новосибирск. 28 января 1933 года ЦК партии утвердил его в должности прокурора Западно-Сибирского края. Через полтора года он провинился и 27 октября 1934 года от крайкома получил выговор за «явный недосмотр», из-за которого был расстрелян Н. Лебин, которому высшая мера была заменена десятью годами лагерей. Главным виновником был председатель крайсуда В. Бранецкий, который отделался снятием с должности и избежал уголовной ответственности, так как совершил проступок «в момент исключительно тяжелой работы». Работа и верно была тяжелой — предстояло «сломить саботаж хлебозаготовок» и расстрелять пару сотен колхозных бригадиров, механизаторов и скотников за плохую уборку урожая. Добрая половина расстрельных приговоров в Москве была отменена. Но Баркова не ругали за то, что он допустил отправку липовых дел на утверждение в столицу. Все-таки около 120 колхозников и единоличников в эту осеннюю кампанию расстреляли, и вскоре край удостоился похвалы товарища Сталина за высокие показатели. А осенью 1937 года из края была выделена Новосибирская область, и Барков стал областным прокурором. 2 января 38-го он отметил сорокалетие: потоком шли поздравления, а на груди сиял орден Трудового Красного Знамени, полученный незадолго до того...

Вот только настроение у прокурора было неважным. Брат жены, работавший вторым секретарем Куйбышевского обкома партии, был арестован и расстрелян. В НКВД на прокурора набрали кипу материалов о его связях с врагами народа. Барков не знал, что секретарь обкома Иван Алексеев в декабре 37-го направил Сталину секретнейшее письмо, в котором указал, на кого из номенклатурных работников есть компрометирующие материалы. В длинном списке был и прокурор. И санкция из Москвы на расправу была получена весьма быстро. В феврале 1938 года Баркова сняли и сильно понизили. «В партии оставили, и это главное», — думал он. Догадывался ли

экс–прокурор, что новая должность — всего лишь пересадочная площадка на пути в тюрьму?..

Посмертный компромат

На допросе, состоявшемся уже после смерти Баркова, бывший секретарь крайкома Роберт Эйхе был вынужден оговорить покойника: в 1935 году, зная–де кулацкие настроения прокурора, завербовал его в свою организацию, чтобы тот «получил от меня указания по линии искажения революционной законности». Конечно, и Эйхе, и его верный помощник Барков издевались над законностью как хотели, но для ежовцев вина Эйхе и компании выглядела так: «По моим и Грядинского (председателя крайисполкома. — А. Т.) указаниям участникам заговора отравляли рабочих заведомо испорченными продуктами. В Барнауле... было произведено отравление рабочих путем окраски труб отопления недоброкачественным лаком... краевой прокурор Барков замял это дело...»

Также после смерти Баркова его преемник Иван Новиков написал генпрокурору А. Вышинскому и прокурору РСФСР М. Панкратьеву о вражеских действиях Баркова, препятствовавшего охране социалистической собственности. За 1937 год в суды было направлено 4488 дел на 6663 человека, но из этого количества по знаменитому указу от 7 августа 1932 года («семь восьмых») было привлечено лишь 137 человек. За экономическую контрреволюцию (статья 58–7, каравшая «вредителей») было привлечено — помимо огромного числа дел, сфабрикованных собственно управлением госбезопасности — 140 человек. За растраты посадили 2473 человека, за хищения — 4013 человек. В 1936 году по указу «семь восьмых» судили гораздо больше, чем в 37–м — 495 человек; а за первый квартал 1938 года в суды области было передано всего 13 таких дел на 32 человека. Смазывание применения свирепого закона «семь восьмых», как отмечал Новиков, «являлось основным методом вредительства на этом фронте борьбы».

После снятия с работы в прокуратуре Баркова трудоустроили в «Росглавмолоко» заместителем управляющего трестом. Но уже 28 марта начальник управления НКВД Григорий Горбач вызвал руководителя секретно– политического отдела УНКВД К. Пастаногова и объявил ему, что сегодня на бюро горкома Барков будет исключен из партии. Судьба Баркова была predetermined после получения от Ежова санкции на его арест. Пастаногов составил справку на арест (возможно, что и задним числом) и поручил своим подчиненным арестовать недавнего прокурора прямо в здании горкома сразу после процедуры исключения из рядов. Оперативники Сыч и Комылин, дождавшись выхода своей жертвы из комнаты заседаний, тут же арестовали Баркова, изъяв у него при личном обыске маузер, часы и 203 рубля, а также копию письма союзному прокурору Вышинскому. Обыск на квартире дал немного: двадцать конвертов и три папки переписки, наган, облигацией на две тысячи, 34 заграничных патефонных пластинки, 38 штук «книг съездовских», 28 разных брошюр, 85 справок и удостоверений. И еще орден. Экс–прокурора на машине доставили в здание управления НКВД и в кабинете Сыча сразу «взяли в работу».

Доведение до самоубийства

Петр Сыч, один из основных работников секретно–политического отдела, в конце 1939 года показал: «Допрашивался Барков настойчиво и упорно, особенно когда эти допросы велись Пастаноговым. (...) Я... десятки раз обращался к Пастаногову с вопросом или дать мне обвинительные материалы... или взять от меня Баркова, так как мне с ним не о чем было говорить... Но накануне самоубийства ночью, после настойчивого требования Пастаногова о признании Барковым своего участия в контрреволюционной организации, Барков, часа два спустя после ухода из комнаты Пастаногова, заявил мне о своем намерении рассказать следствию о своей контрреволюционной деятельности... (и) написал короткое заявление на имя (замначальника УНКВД) Мальцева, в котором указывал о своей принадлежности к правотроцкистской организации... Наутро Барков на мое предложение изложить более подробно о своей контрреволюционной деятельности заявил мне, что он на себя наклеветал, смалодушничал, в действительности же он членом контрреволюционной организации не является... после чего я разорвал заявление Баркова. Спустя после этого часа два–три, когда я ушел, передав Баркова сотруднику Комылину, Барков выбросился в окно и разбился насмерть».

О том, как себя чувствовал на следствии бывший главный законник, поведаль один из его мучителей, более откровенный, нежели прожженный следователь Сыч. Начиная чекист А. Комылин (ему было 22 года) на допросе рассказывал: «Обязанность моя заключалась в окарауливании Баркова, который со дня ареста и до последнего дня находился в кабинете Сыча и в камеру совершенно не отпускаясь. Я должен был дежурить около Баркова, когда Сыч уходил домой отдыхать. Меня сменяли Демиденко и другие. (...) Последние восемь–десять дней к Баркову был применен метод конвейерного допроса... он был почти лишен сна и питания. В день ему разрешалось есть не больше одной плюшки и одного стакана чая или молока. В связи с указанным режимом у Баркова ко дню его самоубийства сильно отекали ноги и он был обут в мелкие галоши.

(...) Наша роль сводилась к тому, чтобы не давать Баркову засыпать...
Всю ночь на 28/IV–38 г. до 8 (?) часов утра я дежурил около Баркова в кабинете NN№67, после чего меня сменил Демиденко. ...Придя в десятом часу утра в отдел, в кабинет, где находился Барков, где были Демиденко и Буйницкий, я остался для работы. Вскоре Буйницкий из кабинета вышел. Демиденко же, попросив меня посмотреть за Барковым, тоже вышел на несколько минут... После того как я только что открыл шкаф, Барков быстро соскочил со стула и побежал к окну. Стул, на котором сидел Барков, а также стул, на котором сидел Демиденко, Барков бросил мне под ноги... Подбежав к Баркову, я схватил его за правую ногу, но поскольку он успел упереться левой ногой в раму окна, я, не обладая достаточной силой, не мог его задержать и отпустил его уже висевшим в воздухе. Барков упал (с четвертого этажа) и разбился насмерть. (...) Знаю только, что труп Баркова сразу был подобран работниками комендатуры, видевшими падение...» А Комылину за то, что допустил самоубийство подследственного, дали десять суток ареста, но уже на второй день отсидки амнистировали в честь Первого мая.

Еще в конце 1939 года военная прокуратура проверила дело Баркова. Выяснилось, что дела как такового не было, а имелись только справки на арест да протоколы допросов видных сибирских чиновников, где Барков упоминался как заговорщик. Его вдова Анфиса Андреевна писала в ноябре 1955–го председателю КГБ Ивану Серову о том, что следователь Сыч принимал от нее денежные передачи для мужа тогда, когда прокурора уже не было в живых. Тот же Сыч в феврале 39–го сообщил ей, что Барков осужден на десять лет без права переписки... 16 апреля 1956 года дело Игнатия Ильича Баркова было официально прекращено за отсутствием состава преступления. Он реабилитирован. Те десятки тысяч, в уничтожении которых он принимал столь деятельное участие, тоже. Но еще не все. Массовые реабилитации идут с 1988 года, но до сих пор у прокуратуры не хватает сил, чтобы посмертно восстановить в правах всех жертв советской эпохи...

Алексей ТЕПЛЯКОВ